

24–26 июня 2026 г.

Co-construction and the structure of interaction in conversation

Nikolay Korotaev

Institute of Linguistics RAS / Moscow
Russian State University for the
Humanities / Moscow
n_korotaev@hotmail.com

Abstract

The paper analyzes two aspects of interaction between participants of a conversation when they produce syntactic constructions together. It uses data from the multichannel corpus “Russian Pear Chats and Stories”. First, it discusses speech and embodied conduct signals used by first participants to invite their interlocutors to build a coherent structure together or, on the contrary, to indicate that they intend to proceed on their own. Three strategies employed by first participants are distinguished: the open strategy, the closed strategy and the neutral strategy. Quantitative results show that less than one third of all cases of co-construction appear when the first participant uses the open strategy (i.e., explicitly invites the second participant to engage in a joint activity), while most frequently the neutral strategy takes place. Second, the paper shows a connection between the above-mentioned strategies and the turn-taking structure created during co-construction. The open strategy is found to be the most compatible with cases where the second participant completes a single elementary discourse unit initiated by the first participant, and the least compatible with cases of turn extensions. Completions of multi-unit turns occupy an intermediate position with regard to this parameter.

Keywords: conversation, co-construction, turn-taking, multimodality, interactional syntax

DOI: 10.29003/2075-7182-2026-24-267-281

Структура диалогического взаимодействия при совместном построении

Коротаев Н. А.

Институт языкознания РАН / Москва
Российский государственный гуманитарный университет / Москва
n_korotaev@hotmail.com

Аннотация

В докладе на материале мультиканального корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» анализируются два аспекта взаимодействия участников диалога при совместном построении синтаксических конструкций. Во-первых, прицельно рассматривается речевое и невербальное поведение участника, начинающего реализацию конструкции (инициатора). Инициатор может как подавать сигналы, «приглашающие» второго участника к совместному действию, так и воздерживаться от таких сигналов, рассчитывая построить синтаксическую структуру без стороннего вмешательства. Предлагается выделять три стратегии поведения инициатора: открытую, закрытую и нейтральную. Показано, что открытая стратегия, включающая явный запрос на совместное действие, реализуется менее чем в трети всех случаев совместного построения в исследованном корпусе, а самой частотной является нейтральная стратегия. Во-вторых, демонстрируется связь между стратегиями инициатора и возникающей при совместном построении структурой чередования реплик. Явный запрос на совместное действие (открытая стратегия инициатора) чаще всего наличествует в тех случаях, когда второй участник завершает начатую собеседником элементарную дискурсивную единицу, реже всего — при расширении уже реализованной реплики. Промежуточное положение занимают случаи завершения составных реплик, состоящих более чем из одной элементарной дискурсивной единицы.

Ключевые слова: диалог, совместное построение, чередование реплик, мультимодальность, взаимодействие участников

1 Введение

Совместное построение — явление, при котором некоторая связная структура, которая может быть порождена одним говорящим, реализуется усилиями двух или (реже) более участников диалога [Ono, Thompson 1996; Clancy, McCarthy 2014; King 2018]; см. ниже примеры (1)–(3) в разделе 3. Природа этой структуры (что именно строится) может быть описана в различных терминах. Так, в серии работ, выполненных в рамках Анализа бытового диалога [Sacks 1992; Lerner 1996], говорится о совместном построении *реплики* — минимальной единицы диалога, обладающей определенной синтаксической, просодической и прагматической законченностью [Sacks et al. 1974; Ford, Thompson 1996]. В статье [Гренобль 2008] — вероятно, самой известной работе о совместном построении на русском материале — речь также идет о совместной реализации реплик, однако одновременно указывается на то, что с формальной, или собственно языковой стороны, участники сообща строят *предикативные структуры*, обусловленные наличием единой грамматической «рамки» (с. 33–34). Наконец, в работе [Helasvuori 2004] автор явным образом отмечает, что участники диалога совместно строят *клаузы*, и показывает, как синтаксические паттерны возникают благодаря совместным действиям говорящих.

Похожий подход используется и в настоящем исследовании. Далее я буду говорить о совместном построении синтаксических единиц (именных групп, простых и сложных клауз), принимая при этом во внимание тот факт, что реализация формальной языковой структуры неразрывно связана с динамически возникающей структурой действий [Mondada 1999; Lerner 2004]. Как представляется, такой подход позволяет анализировать параметры организации диалога при совместном построении, не впадая в логику порочного круга.

Я планирую рассмотреть два параметра подобного рода. Во-первых, это структура чередования реплик при совместном построении. Традиционно [Ono, Thompson 1996; Гренобль 2008] выделяется два типа контекстов, различающихся на основании того, в какой точке в диалог вступает второй участник: завершения (*completions*) и расширения (*extensions*). При завершении вторая часть совместно реализуемой конструкции произносится еще до того, как первый участник завершил свою реплику; тогда как при расширении второй участник вступает уже после того, как первый завершил свою реплику и возникла т. н. точка потенциального перехода (*transition relevance place*). Кроме того, как я рассчитываю показать далее, существенным также является объем совместно реализуемой единицы при завершении. Во-вторых, это общая структура коммуникативного обмена, сопутствующая совместному построению. Как отмечалось в ряде предшествующих исследований [Kalkoff, Dressel 2019; Bolden et al. 2019; Коротаев 2023], при реализации начального компонента совместно реализуемой конструкции первый участник может либо подавать сигналы, интерпретируемые вторым участником как запрос на совместное действие, либо не делать этого. В первом случае совместное построение возникает как результат координированных усилий участников; во втором случае речевое действие участника, завершающего или расширяющего реплику своего собеседника, скорее можно интерпретировать как его собственную инициативу, не согласующуюся с коммуникативными намерениями первого участника.

Основная задача настоящего исследования — на корпусном материале предложить формальные критерии, позволяющие разграничить эти два случая, а также проследить возможные взаимосвязи между структурой коммуникативного обмена и структурой чередования реплик при совместном построении. При этом, поскольку действия участников не ограничиваются речью, но могут также заключаться в разнообразном невербальном поведении (мануальной жестикуляции, движениях взгляда и проч.), анализ случаев совместного построения будет выполнен в духе мультимодального (или, мультиканального) подхода к описанию структуры диалога и устного дискурса в целом [Goodwin 2000; Müller et al. 2013; Kibrik, Fedorova 2018; Mondada 2019].

Дальнейший текст организован следующим образом. В разделе 2 кратко представлен материал исследования — корпус «Рассказы и разговоры о грушах», а также упомянуты ключевые понятия используемого подхода к аннотированию мультиканального поведения. Раздел 3 содержит анализ конкретных примеров, иллюстрирующих разнообразие в реализации рассматриваемых в работе параметров организации диалога при совместном построении. В разделе 4 суммированы основные принципы разметки и приведены количественные результаты исследования. В разделе 5 содержатся обсуждение полученных результатов и заключительные замечания.

2 Материал

Материалом исследования послужил корпус «Рассказы и разговоры о грушах» (RUPEX; <https://multidiscourse.ru/>), ранее уже неоднократно использовавшийся для мультиканального анализа монологического и диалогического дискурса [Kibrik et al. 2019]. Корпус состоит из аннотированных видеозаписей, организованных по единой схеме. В каждой записи принимают участие три активных коммуниканта, за которыми закреплены различные роли, суть которых объяснялась им до начала записей. Двое из них — Рассказчик (N) и Комментатор (C) — предварительно смотрели «Фильм о грушах» [Chafe ed. 1980], после чего они оказывались в одном помещении с третьим участником — Пересказчиком (R). Далее процесс разбивался на три последовательных этапа: рассказ (N в монологическом режиме передает содержание фильма, обращаясь к R), разговор (C уточняет рассказ N, R задает дополнительные вопросы, при желании собеседники вступают в свободное обсуждение сюжета фильма), пересказ (R в монологическом режиме передает содержание фильма, обращаясь к четвертому участнику — Слушателю (L), который появляется в комнате только на этом этапе)¹.

Для настоящего исследования были проанализированы разговоры в 10 записях корпуса, общая длительность диалогических фрагментов составила 116 минут². Всего было обнаружено 117 случаев совместного построения; частота их появления варьирует по записям от 0.34 до 1.98 случая на минуту звучания. Для всех выявленных случаев была выполнена сегментация на *элементарные дискурсивные единицы* (ЭДЕ) — минимальные шаги в развитии устного дискурса, обладающие набором идентифицируемых просодических признаков (единый интонационный контур, фразовые акценты, скоростной и громкостный паттерны; см. [Kibrik et al. 2020]). Также анализировались релевантные для интерпретации коммуникативных намерений участников невокальные действия — в первую очередь, движения взгляда, жесты рук и головы³.

3 Анализ примеров

Рассмотрим несколько примеров совместного построения, обнаруженных в исследованном корпусном материале.

- (1) pears35_01: «розовая рубашка и повязка»; pears35_02: «повязка как у садовника»⁴

Line ID	Transcription
N-vE086	о= ну он был \весь одет (ц 0.50) (э 0.58) (0.47) в ^э тако= ==
	(0.22)

¹ По завершении записи Слушатель выполнял письменный пересказ услышанного.

² Всего для включения в корпус было получено 40 записей; 10 записей, использованные для настоящего исследования, были отобраны по двум критериям: общее качество аудио- и видеосигнала, наличие хотя бы первичной дискурсивной транскрипции вокального поведения участников.

³ Сплошная разметка невокальных коммуникативных каналов для корпуса RUPEX выполнялась в среде аннотирования ELAN. Разбор общих принципов этой разметки выходит за рамки данной публикации; см. [Litvinenko et al. 2018; Fedorova 2021]. Далее, при разборе конкретных примеров, релевантные невокальные явления будут описываться непосредственно в тексте и иллюстрироваться при помощи скриншотов.

⁴ В заголовках примеров приводятся кодовые номера случаев совместного построения в базе и их условные названия. Соответствующие видеофрагменты выложены по адресу <https://disk.360.yandex.ru/d/732a1p0DCthhjg>. Транскрипты представлены в табличной форме. Каждая нумерованная строка таблицы соответствует одной ЭДЕ; зеленым цветом выделяются идентификаторы ЭДЕ, произносимых Рассказчиками (эти идентификаторы также содержат в себе литеру N), синим цветом — идентификаторы ЭДЕ, произносимых Комментаторами (C), красным — идентификаторы ЭДЕ, произносимых Пересказчиками (R). При помощи слэшей и стрелок обозначены движения тона в акцентированных словоформах; подчеркивание ударной гласной указывает на главный статус акцента в рамках ЭДЕ. Пунктуационные знаки указывают на фазово-иллокутивные значения ЭДЕ; в частности, точка обозначает завершение сообщения, запятая — наличие запланированного продолжения. В скобках отмечается длительность абсолютных и заполненных пауз. Посредством цветовой заливки дополнительно выделены компоненты совместно реализуемой конструкции: начальный компонент конструкции, произносимый первым участником, закрашен желтым цветом; финальный компонент, произносимый вторым участником, — зеленым. При помощи горизонтального выравнивания и квадратных скобок обозначаются участки наложения речи двух или более участников.

Line ID	Transcription
N-vE087	(ʔ 0.46) у него по= (ʔ 0.17) по-моему была \розовая-а /рубашк[а-а,
C-vE028	да-а.
N-vE088	и [?] какие-то красны= красные ш= [[красные /штаны,
C-vE029	и /тоже повязка.
C-vE030	[[/Повязка как (ə 0.35)
N-vN022	(ʧ 0.23)
N-vE089	\да,
N-vE090	/–пла[ток на= ≈≈
R-vE001	[как у /садовника?
	(0.31)
N-vE091	/А?
C-vE031	\Да,
C-vE032	/повязка красная как у /садовника,

В примере (1) представлено два случая совместного построения. Рассказчица и Комментатор обсуждают внешний вид одного из центральных персонажей фильма — мальчика на велосипеде. В строках N-vE086-087 Рассказчица приступает к описанию одежды мальчика. Она испытывает проблемы при реализации своего намерения: в обеих строках содержатся хезитационные паузы и обрывы слов; кроме того, во время произнесения слова *по-моему* Рассказчица выполняет глазодвигательный жест поиска вербализации — переводит взгляд вверх; см. рис. 1а. (Как отмечалось в ряде работ, отводя взгляд от собеседника при поиске вербализации, говорящий сигнализирует о своем намерении справиться с возникшим речевым затруднением самостоятельно; см. [Goodwin, Goodwin 1986; Auer, Zima 2021].)

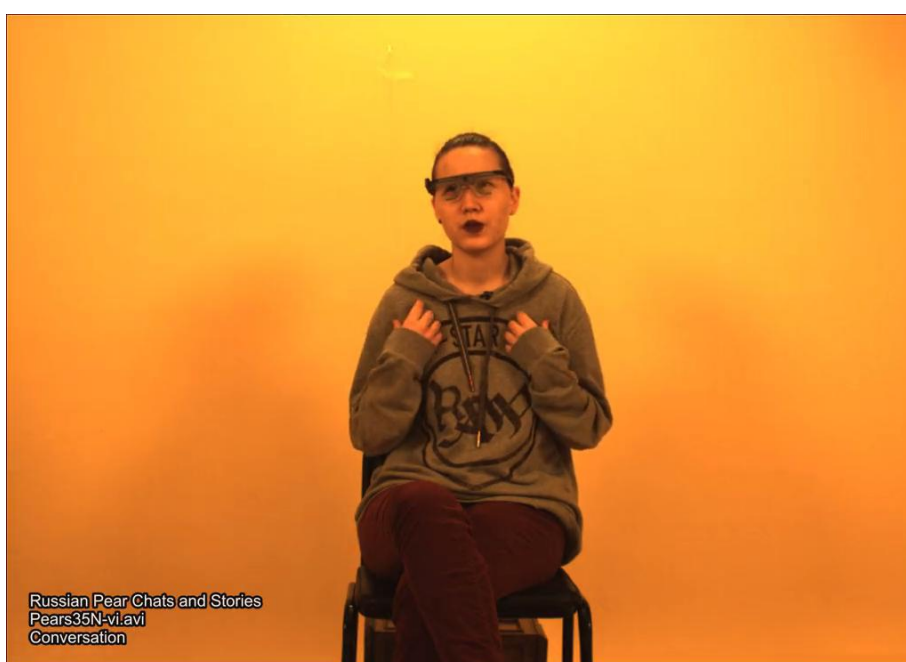
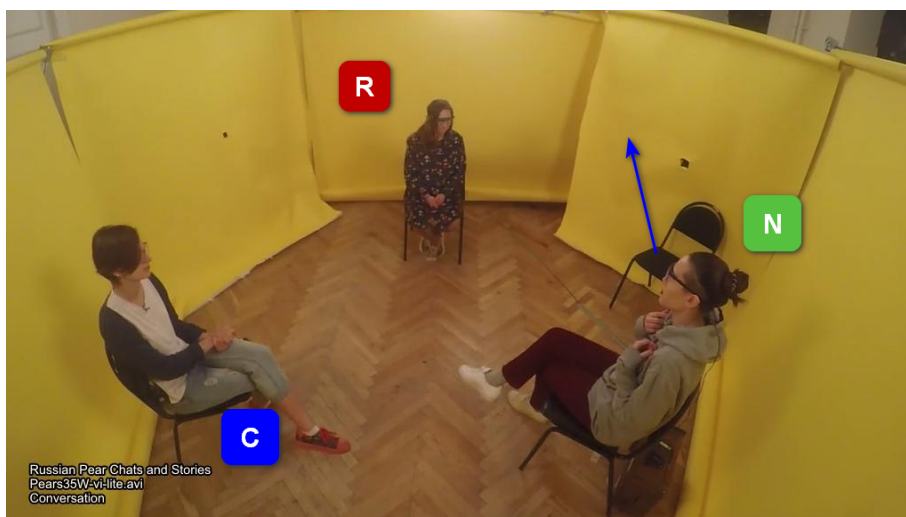

Рисунок 1а. Направление взгляда Рассказчицы во время произнесения слова *по-моему* в строке N-vE087 примера (1)

Найдя подходящую вербализацию (*розовая рубашка*), Рассказчица завершает ЭДЕ и переводит взгляд на Комментатора, что может быть расценено как приглашение к совместному действию [Bolden 2003; Dressel 2020]; см. рис. 1б. При этом, хотя ЭДЕ N-vE087 завершена, ее интонационное оформление (восходящий фразовый акцент) проецирует продолжение, т. е. начатая ранее реплика еще не окончена. Для случаев подобного рода в Анализе бытового диалога используется термин «составная реплика» (*multi-unit turn*; см. [Selting 2000; Ford 2004]). В строке N-vE088 Рассказчица продолжает эту составную реплику, придавая ей синтаксическую форму сочиненной конструкции и упоминая еще один предмет одежды персонажа — красные штаны. Однако в это же время Комментатор, реагируя на запрос Рассказчицы на совместное действие, подтверждает корректность найденного Рассказчицей описания (строка C-vE028) и предлагает свое завершение сочиненной конструкции и текущей составной реплики, в котором упоминает шейную повязку (строка C-vE029).

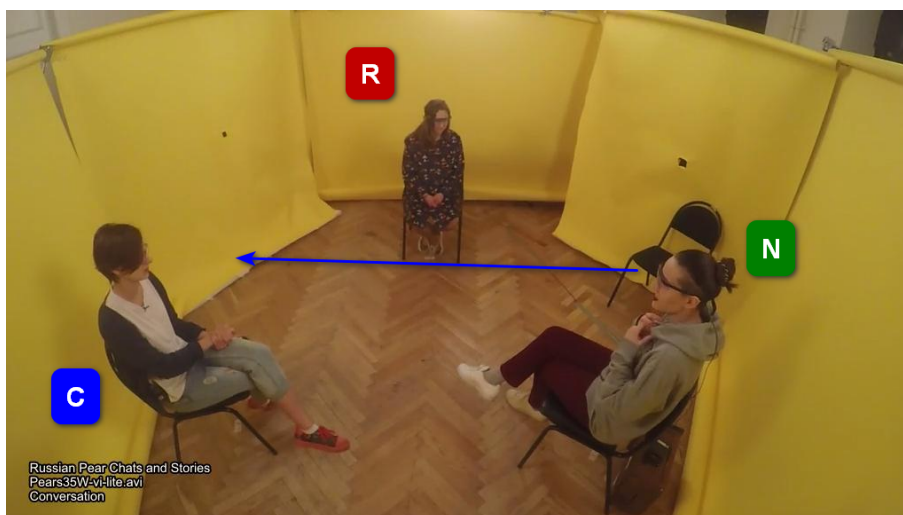

Рисунок 16. Направление взгляда Рассказчицы в конце ЭДЕ N-vE087 примера (1)

В строках N-vE089-090 Рассказчица реагирует на предложенное Комментатором совместное построение и при этом пытается продолжить собственную реализацию составной реплики. Однако Комментатор не уступает коммуникативную инициативу и в строке C-vE030 начинает новую реплику, развивая свое предшествующее описание. Вероятно, она стремится пояснить, почему, упомянув повязку, она использовала частицу *тоже*: эта деталь гардероба мальчика напоминает аналогичный предмет одежды другого персонажа фильма, которого участники называют садовником. При этом Комментатор реализует только начало синтаксической конструкции, после чего делает паузу и переводит взгляд на Пересказчицу, см. рис 1в. В свою очередь, Пересказчица, оценив комплекс вокальных и кинетических действий Комментатора как запрос на совместное действие, завершает начатую Комментатором моноклаузальную ЭДЕ (строка R-vE001).

Рисунок 1в. Направление взгляда Комментатора после произнесения слова *как* в ЭДЕ C-vE030 примера (1)

Таким образом, оба случая совместного построения в примере (1) возникают в результате запроса на совместное действие со стороны первого участника; причем в первом случае речь идет о завершении составной реплики, состоящей из более чем одной ЭДЕ, во втором случае — о завершении отдельной ЭДЕ.

В примере (2) также представлено два образца совместного построения, но при этом в обоих случаях вторая участница вступает без сигналов о запросе на совместное действие со стороны первой участницы.

(2) pears06_06: «берут груши и едят их»; pears06_07: «проходят мимо садовника»

Line ID	Transcription
R-vE125	Каким образом он возвращается к (э 0.49) ==
R-vE126	[Он возвраца= ≈≈
N-vE135	[(э 0.14) \Нет,
N-vE136	не \он возвра[[щается.
C-vE265	[[У него ≈≈
N-vE137	Вот эти три /мальчика берут эти \↑груш[и,
R-vE127	[\\Ага.
N-vN030	(ц 0.55)
R-vE128	/Угу.
N-vE138	(в 0.24) они [ещё их так (0.43) по[[тёрли о \↑одеж[ду,
C-vE266	[и \едят их.
C-vE267	[[\\А!
C-vE268	\\Да-да-да.
C-vE269	[–Угу.
N-vE139	(–Так,
N-vE140	\\демонстративно.)
R-vE129	/Угу.
	(0.49)
N-vE141	и-и (ш 0.25) (0.23) (ш 0.22) /они ==
	(0.87)
N-vE142	\\ну,
N-vE143	начин[ают их /есть,
C-vE270	[Они как бы идут \обратно.
N-vE144	(\\Да.)
	(0.11)
N-vE145	и просто /проходят [мимо ≈≈
C-vE271	[мимо этого \садовника.
N-vE146	\\Да.
C-vE272	[А /садовник,
R-vE130	[/Угу.
C-vE273	он (в 0.48) с= ==

Line ID	Transcription
C-vE274	([?] 0.33) он ==
C-vE275	\A!
C-vE276	Садовник \вот что делает.

Отвечая на незавершенный вопрос Пересказчицы (строка R-vE125), Рассказчица поясняет финальный эпизод фильма, в котором три мальчика, получившие в подарок три украденные груши, проходят с этими грушами мимо собравшего их садовника, не подозревая, что груши изначально принадлежали ему. В строке N-vE137 она начинает составную реплику, оформляя первую ЭДЕ при помощи нисходяще-восходящего фразового акцента типа ИК-4, часто используемого при «контролируемом» перечислении [Янко 2008: 167–170]. С такой же интонацией она произносит и следующую ЭДЕ N-vE138 — и это указывает на то, что, приступая к реализации составной реплики, Рассказчица не планировала обращаться за помощью к Комментатору. Об отсутствии запроса на совместное действие свидетельствует и кинетическое поведение Рассказчицы: все время произнесения строки N-vE137 она обращена к Пересказчице; см. рис. 2а. Тем не менее, уже после того как Рассказчица приступила к реализации строки N-vE138, Комментатор предлагает свое завершение текущей составной реплики (строка C-vE266), придавая ей форму законченной сложносочиненной конструкции.

Рисунок 2а. Взаимодействие участниц во время произнесения Рассказчицей слова *груши* в строке N-vE137 примера (2)

Несмотря на предложенное Комментатором завершение, Рассказчица продолжает развивать свою составную реплику на протяжении еще нескольких ЭДЕ, не достигая точки перехода. Она продолжает преимущественно обращаться к Пересказчице, что видно и на рис. 2б, фиксирующем момент произнесения слова *проходят* в строке N-vE145. В этот же момент Комментатор снова вступает с завершением (C-vE271) — на этот раз достраивая простую клаузу, не дожидаясь окончания текущей ЭДЕ. После этого речевая инициатива переходит к Комментатору.

Рисунок 26. Взаимодействие участников во время произнесения Рассказчицей слова *проходят* в строке N-vE145 примера (2)

Наконец, в примере (3) представлен случай расширения.

(3) pears04_06: «девочка едет дальше»

Line ID	Transcription
R-vE111	Она ^ш /оглядывается?
R-vE112	Она как-то-о /смот[рит на него?
C-vE103	[^ʔ Он оглядывается.
	(0.45)
N-vE301	Маль[чик /оглядывается,
C-vE104	[^ʔ Он е= ≈≈
N-vE302	/–девочка спокойно \едет по-моему дальше.
	(0.59)
C-vE105	И она больше не \попадает.
	(0.12)
C-vE106	В –кадр.
	(0.12)
N-vE303	√Да.

Комментатор отвечает на вопрос Пересказчицы о взаимодействии двух персонажей фильма, проехавших мимо друг друга на велосипедах. После паузы очередь хода берет на себя Рассказчица, которая развивает ответ Комментатора в строках N-vE301–302. Строку N-vE302 она произносит с финальным нисходящим акцентом, указывающим на завершение составной реплики и достижение точки перехода. На наличие точки перехода также указывает и следующая за этим более чем полусекундная пауза. Лишь затем в строке C-vE105 Комментатор реализует расширение уже завершенной реплики Рассказчицы, присоединяя сочиненную клаузу к уже сформированной синтаксической структуре. Как и в примере (2), в действиях первой участницы сложно усмотреть запрос на совместное действие со стороны второго участника: на протяжении своей реплики Рассказчица никак не взаимодействует с Комментатором; см. рис. 3.

Рисунок 3. Взаимодействие участников во время произнесения Рассказчицей слова *дальше* в строке N-vE302 примера (3)

4 Параметры и результаты разметки

Итак, все случаи совместного построения в изученном корпусе были размечены на основании двух параметров, основные значения которых проиллюстрированы выше в разделе 3.

С точки зрения организации чередования реплик различались три класса случаев: **расширения** (см. пример (3)), **завершения составных реплик** (первый случай в примере (1), первый случай в примере (2)) и **завершения отдельных ЭДЕ** (второй случай в примере (1), второй случай в примере (2)). Количественно эти классы распределены следующим образом: на расширения приходится около 16% (19 случаев), на завершения составных реплик — около 35% (41 случай), на завершения отдельных ЭДЕ — около 49% (57 случаев).

С точки зрения структуры коммуникативного обмена также было выделено три класса случаев, два из которых проиллюстрированы на примерах в разделе 3. Во-первых, это случаи, в которых первый участник подает надежно идентифицируемые сигналы запроса на совместное действие со стороны второго участника; см. пример (1). Такую поведенческую стратегию первого участника можно условно назвать открытой. В качестве формальных признаков открытой стратегии, помимо представленного в примере (1) перевода взгляда на второго участника, также рассматривались вопросительная интонация в начальном компоненте совместно реализуемой конструкции, совмещенные вокальные и жестикуляционные сигналы hesitation, приглашающая жестикуляция. На рис. 4 представлено несколько примеров, в которых вербальные сигналы hesitation в конце начального компонента конструкции сопровождаются обращенной к собеседнику мануальной жестикуляцией. Всего на долю открытой стратегии приходится около 28% случаев совместного построения в корпусе (33 примера).

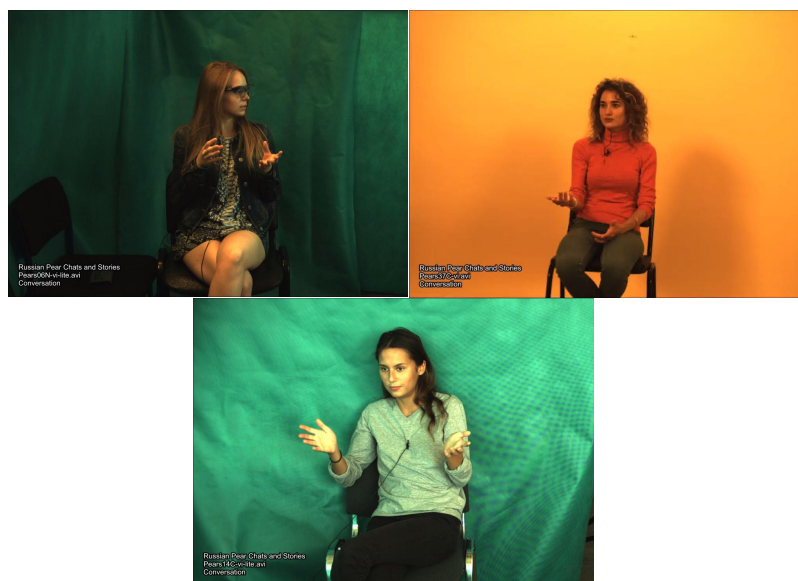

Рисунок 4. Использование мануальных жестов при запросе на совместное действие

Во-вторых, это случаи *закрытой* стратегии, в которых поведение первого участника достаточно надежным образом позволяет предположить, что он не рассчитывает на помощь со стороны второго участника, а предполагает реализовать конструкцию в одиночку; см. примеры (2) и (3). Как было показано при обсуждении этих примеров, в качестве формальных признаков закрытой стратегии рассматривались перевод взгляда от второго участника, маркированный взгляд не на второго участника, а также некоторые способы интонационного оформления высказывания — такие как акцент типа ИК-4. На долю этого класса приходится около 30% случаев совместного построения в корпусе (35 примеров).

Наконец, в-третьих, примерно в 42% случаев совместного построения (49 примеров) в поведении первого участника отсутствуют явные сигналы, которые можно было бы надежно интерпретировать либо как предложение второму участнику присоединиться к построению текущей конструкции, либо как заведомое отсутствие такого предложения. Далее такая стратегия первого участника условно обозначается как *нейтральная*.

Далее, на рис. 5 и 6 представлены данные о соотношении значений двух размеченных параметров диалогического взаимодействия при совместном построении. Можно заметить, что доля случаев совместного построения, возникающих при формируемом первым участником запросе на совместное действие, наименьшая (5.3%) при расширении и наибольшая (43.8%) при завершении ЭДЕ. Ситуация завершения составной реплики с этой точки зрения занимает промежуточное положение (17.1%). Эти различия, визуализированные на рис. 5, обладают статистической значимостью ($p < 0.001$, «хи-квадрат»).

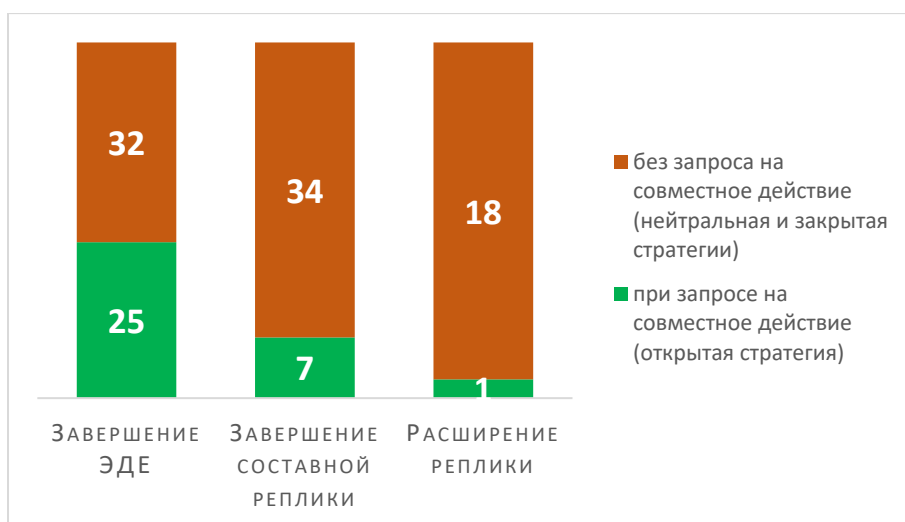

Рисунок 5. Распределение случаев совместного построения по типам структуры чередования реплик и по наличию / отсутствию запроса на совместное действие

В свою очередь, при более детальном сопоставлении случаев завершения ЭДЕ и завершения составной реплики обнаруживаются дальнейшие различия при совместном построении дискурсивных единиц различающегося объема. Когда второй участник предлагает завершение ЭДЕ, начатой первым участником, в 43.8% случаев это происходит при наличии явного запроса на совместное действие (открытая стратегия первого участника), в 21.1% — в ситуации, когда первый участник сигнализирует о намерении завершить ЭДЕ самостоятельно (закрытая стратегия), в 35.1% — при отсутствии явных сигналов первого или второго рода (нейтральная стратегия). В то же время, когда второй участник предлагает завершение начатой первым участником составной реплики, чаще всего (46.3%) это происходит при нейтральной стратегии первого участника, в 36.6% случаев — при закрытой стратегии и лишь в 17.1% случаев — при открытой стратегии. Эти количественные различия, зафиксированные на рис. 6, также обладают статистической значимостью ($p = 0.018$; «хи-квадрат»).

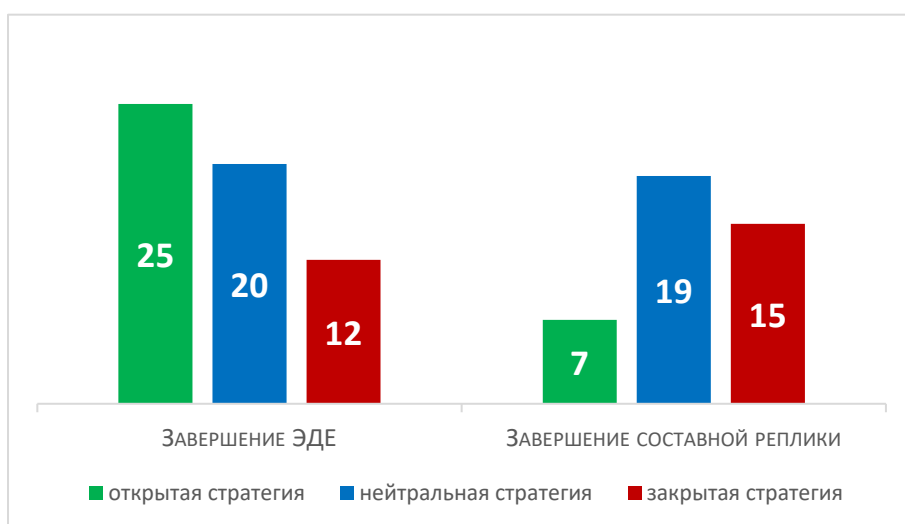

Рисунок 6. Стратегии первого участника перед завершением ЭДЕ vs. перед завершением составной реплики

5 Обсуждение и заключение

Феномен совместного построения реплик или синтаксических конструкций традиционно рассматривается как проявление кооперативного характера диалога: собеседники координируют свою речевую деятельность таким образом, чтобы сообща реализовать единую грамматическую структуру и единое социальное действие [Sacks 1992; Grenoble 2013; Kalkoff, Dressel 2019]. Результаты исследования корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» указывают на то, что — если эта координация и имеет место — она устроена довольно сложным образом. «Идеальная» ситуация, в которой участник, начинающий реализацию синтаксической структуры, в определенный момент приглашает своего собеседника к совместному действию, наблюдается в изученном корпусном материале лишь немногим более чем в четверти случаев. Примерно с такой же частотой второй участник вступает в построение текущей синтаксической конструкции «без приглашения». В этом случае первый участник демонстрирует намерение продолжить реализацию текущей структуры самостоятельно, но второй участник пользуется тем, что в некоторый момент эта структура допускает завершение или расширение, и не согласует свои действия с первым участником. Наконец, самый частый случай (более 40%) относится к своего рода «серой зоне»: к моменту вступления второго участника в речевом и невербальном поведении первого участника не содержится явных указаний на то, рассчитывает ли тот на помощь своего собеседника в реализации конструкции.

Этот результат можно интерпретировать двояко. С одной стороны, он может быть объяснен нехваткой аналитических инструментов исследования: можно предположить, что при интерпретации действий собеседников участники диалога опираются не только на относительно явные признаки, рассмотренные в настоящем исследовании, но и на более тонкие коммуникативные сигналы. С другой стороны, подобную неоднозначность можно считать неотъемлемым свойством естественного диалога: принимая решение о совершении того или иного действия, участники часто исходят из неполной информации, рассчитывая в том числе на высокую адаптивность, характерную для общей ситуации разговора (см. тут, в частности, наблюдение [Lerner 2004] о том, что первые участники редко выражают прямое несогласие с достроением, предлагаемым вторыми участниками).

При этом в число факторов, которые участники могут оценивать, перед тем как завершать начатую их собеседниками конструкцию, по-видимому, входит объем реализуемой структуры. Когда участники завершают начатые их собеседниками элементарные дискурсивные единицы, почти в половине случаев это происходит вследствие явного приглашения к совместному действию и только немногим более чем в 20% случаев — в контексте явного отсутствия у собеседника заинтересованности в совместном действии. Если же речь идет о завершении сложной реплики, состоящей из двух и более ЭДЕ, доля случаев, когда совместное построение такого типа происходит при явном запросе первого участника на совместное действие, значительно меньше — ниже 20%.

По всей видимости, завершение другим участником ЭДЕ, т. е. минимального шага в развитии устного дискурса, является в целом более маркированным действием, чем завершение составной реплики. В ситуации, когда точка потенциального перехода еще заведомо не достигнута (т. е. не закончена ЭДЕ), второму участнику сложнее вступить со своим завершением без явного приглашения со стороны первого участника, чем в ситуации, когда по крайней мере завершена некоторая часть более сложной диалогической структуры и достигнута своего рода предварительная точка перехода.

Итак, анализ корпуса «Рассказы и разговоры о грушах» позволяет выявить набор базовых речевых и невербальных сигналов, которые собеседники используют для координации усилий при совместном построении синтаксических конструкций. Также выявлена взаимосвязь между характером этих сигналов и структурой чередования реплик, задающей общую рамку взаимодействия участников при совместном построении. Стоит отметить, что на результаты исследования мог оказать влияние характер рассмотренного материала. Несмотря на то что при обсуждении содержания фильма участники не были ограничены в выборе речевых и невербальных средств, такой тип коммуникации все же может отличаться от свободного разговора. Кроме того, существенной является асимметрия в знании участников о содержании фильма, заложенная в дизайн записей; см. работу [Коротаев 2023], в которой было, в частности, показано, как роли участников влияют на распределение типов совместного построения. Для обхода этих ограничений стоит в дальнейшем привлечь другой материал — в том числе, полученный при записях разговоров в естественных бытовых ситуациях.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта Минобрнауки «Социопрагматические факторы адаптации вербального и кинетического поведения в русском звучащем и русском жестовом языках». Автор благодарен анонимным рецензентам за ценные замечания и советы по улучшению текста доклада.

Литература

- [1] Auer Peter, Zima Elisabeth. On word searches, gaze, and co-participation // *Gesprächsforschung* — 2021. — Vol. 22. — P. 390–425.
- [2] Bolden Galina. Multiple modalities in collaborative turn sequences // *Gesture*. — 2003. — Vol. 2. — P. 187–212. <https://doi.org/10.1075/gest.3.2.04bol>
- [3] Bolden Galina, Hepburn Alexa, Potter Jonathan. Subversive completions: Turn-taking resources for commandeering the recipient's action in progress // *Research on Language and Social Interaction*. — 2019. — Vol. 52 (2). — P. 144–158. <https://doi.org/10.1080/08351813.2019.1608096>
- [4] Chafe Wallace (ed.). *The Pear Stories: Cognitive, Cultural, and Linguistic Aspects of Narrative Production*. — Norwood, NJ: Ablex, 1980.
- [5] Clancy Brian, McCarthy Michael. Co-constructed turn-taking // Karin Aijmer, Christoph Rühlemann (eds.) *Corpus Pragmatics: A Handbook*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2014. — P. 430–453.
- [6] Dressel Dennis. Multimodal word searches in collaborative storytelling: On the local mobilization and negotiation of coparticipation // *Journal of Pragmatics*. — 2020. — Vol. 170. — P. 37–54. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2020.08.010>
- [7] Fedorova Olga V. Oculomotor everyday communication: How to pick a good metric // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue"* (2021). Issue 20. — Moscow: RGGU. — P. 213–226. <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2021-20-213-226>
- [8] Ford Cecilia E. Contingency and units in interaction // *Discourse Studies*. — 2004. — Vol. 6 (1). — P. 27–52. <https://doi.org/10.1177/1461445604039438>
- [9] Ford Cecilia E., Thompson Sandra A. Interactional units in conversation: Syntactic, intonational, and pragmatic resources for the management of turns // Elinor Ochs, Emanuel Schegloff, Sandra Thompson (eds.) *Interaction and Grammar*. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — P. 134–184. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511620874.003>
- [10] Goodwin Charles. Action and embodiment within situated human interaction // *Journal of Pragmatics*. — 2000. — Vol. 32 (10). — P. 1489–1522. [https://doi.org/10.1016/S0378-2166\(99\)00096-X](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(99)00096-X)
- [11] Goodwin Marjorie Harness, Goodwin Charles. Gesture and coparticipation in the activity of searching for a word // *Semiotica*. — 1986. — Vol. 62 (1–2). — P. 51–76. <https://doi.org/10.1515/semi.1986.62.1-2.51>
- [12] Grenoble Lenore. Syntax and co-constructed turns in Russian dialogue [Sintaksis i sovmestnoe postroenie repliki v russkom dialoge] // *Issues in Linguistics [Voprosy jazykoznanija]*. — 2008. — Vol. 1. — P. 25–36.
- [13] Grenoble Lenore. (Co-)constructing Russian conversation: Talking out of turn // Nadine Thielemann, Peter Kosta (eds.) *Approaches to Slavic Interaction*. — John Benjamins Publishing Company, 2013. — P. 17–33. <https://doi.org/10.1075/ds.20.03gre>
- [14] Helasvuoto Marja-Liisa. Shared syntax: the grammar of co-constructions // *Journal of Pragmatics*. — 2004. — Vol. 36 (8). — P. 1315–1336. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2004.05.007>
- [15] Kalkhoff Alexander Teixeira, Dressel Dennis. Co-constructing utterances in face-to-face-interaction: A multimodal analysis of collaborative completions in spoken Spanish // *Social Interaction. Video-Based Studies of Human Sociality*. — 2019. — Vol. 2 (2). <https://doi.org/10.7146/si.v2i2.116021>
- [16] Kibrik Andrej A., Fedorova Olga V. An empirical study of multichannel communication: Russian Pear Chats and Stories // *Psychology. Journal of the Higher School of Economics [Psixologija. Žurnal Vysšej Školy ekonomiki]*. — 2018. — Vol. 15 (2). — P. 191–200. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2018-2-191-200>
- [17] Kibrik Andrej A., Korotaev Nikolay A., Fedorova Olga V., Evdokimova Alexandra A. Unified multichannel annotation: A tool for analysing natural communication [Edinaja mul'tikanal'naja anotacija kak instrument analiza estestvennoj kommunikacii] // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue"* (2019). Issue 18. — 2019. — P. 265–280.
- [18] Kibrik Andrej A., Korotaev Nikolay A., Podlesskaya Vera I. Russian spoken discourse: Local structure and prosody // Shlomo Izre'el, Heliana Mello, Alessandro Panunzi, Tommaso Raso (eds.) *In Search of Basic Units of Spoken Language: A Corpus-Driven Approach*. — Amsterdam: John Benjamins, 2020. — P. 35–72. <https://doi.org/10.1075/sci.94.01kib>
- [19] King Allie H. Collaborative completions in everyday interaction: A literature review // *Studies in Applied Linguistics & TESOL*. — 2018. — Vol. 18 (2). — P. 1–14. <https://doi.org/10.7916/salt.v18i2.1190>

- [20] Korotaev Nikolay A. Collaborative constructions in Russian conversations: A multichannel perspective [Mul'tikanal'noe vzaimodejstvie pri sovместnom postroenii sintaksičeskix konstrukcij v dialoge] // Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue". Issue 22. — 2023. — P. 254–266. <https://doi.org/10.28995/2075-7182-2023-22-254-266/>
- [21] Lerner Gene H. On the “semi-permeable” character of grammatical units in conversation: Conditional entry into the turn space of another speaker // Elinor Ochs, Emanuel. Schegloff, Sandra Thompson (eds.) Interaction and Grammar. — Cambridge: Cambridge University Press, 1996. — P. 238–276. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511620874.005>
- [22] Lerner Gene H. Collaborative turn sequences // Gene H. Lerner (ed.) Conversation analysis: Studies from the first generation. — Philadelphia: John Benjamins, 2004. — P. 225–256. <https://doi.org/10.1075/pbns.125.12ler>
- [23] Litvinenko Alla O, Kibrik Andrej A., Nikolaeva Yulia V., Fedorova Olga V. Annotating hand movements in multichannel discourse: Gestures, adaptors and manual postures // The Russian Journal of Cognitive Science [Rossijskij žurnal kognitivnoj nauki]. — 2018. — Vol. 5 (2). — P. 4–17. <https://doi.org/10.47010/18.2>
- [24] Mondada Lorenza. L'organisation séquentielle des ressources linguistiques dans l'élaboration collective des descriptions // Langage et Société. — 1999. — Vol. 89 (1). — P. 9–36. <https://doi.org/10.3406/lsoc.1999.2882>
- [25] Mondada Lorenza. Contemporary issues in conversation analysis: Embodiment and materiality, multimodality and multisensoriality in social interaction // Journal of Pragmatics. — 2019. — Vol. 145. — P. 47–62. <https://doi.org/10.1016/j.pragma.2019.01.016>
- [26] Müller Cornelia, Cienki Alan, Fricke Ellen, Ladewig Silva, McNeill David, Tessendorf Sedinha (eds.). Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction. — Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. — Vol. 1. <https://doi.org/10.1515/9783110261318>
- [27] Ono Tsuyoshi, Thompson Sandra A. Interaction and syntax in the structure of conversational discourse: Collaboration, overlap, and syntactic dissociation // Eduard Hovy, Dono Scott (eds.) Computational and Conversational Discourse. — Berlin: Springer, 1996. — P. 67–96. https://doi.org/10.1007/978-3-662-03293-0_3
- [28] Sacks Harvey. Lectures on Conversation. — Oxford: Basil Blackwell, 1992. — Vol. 1.
- [29] Sacks Harvey, Schegloff Emanuel A., Jefferson Gail. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // Language. — 1974. — Vol. 50 (4). — P. 696–735. <https://doi.org/10.2307/412243>
- [30] Selting Margret. The construction of units in conversational talk // Language in Society. — 2000. — Vol. 29 (4). — P. 477–517.
- [31] Yanko Tatiana E. Intonational Strategies in Spoken Russian: A Comparative Perspective [Intonacionnyye strategii russkoj reči v sopostavitel'nom aspekte]. — Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2008.